

Прошло несколько часов, как Гарри и Гермиона оказались в кабинете директора Хогвартса. Портреты бывших директоров, словно живые, шевелились в своих рамах, заполняя стены. Станные приборы и книги, разбросанные по столам и полкам, придавали комнате ощущение эксцентричности, свойственное волшебному миру, но совершенно чуждое Гарри. Однако в этот вечер он был слишком зол, чтобы обращать внимание на окружающее. Его плечи сотрясались от гнева, и он, словно раненый зверь, бродил по кабинету, не в силах сдержать бурю эмоций. — Все не так, профессор! — взревел Гарри, вышагивая по комнате. Ему хотелось проверить Рона и Сириуса, но ярость, кипевшая в нем, требовала выхода. — Как Фадж может не верить в невиновность Сириуса после всех доказательств, которые мы ему предоставили? И почему, во имя Мерлина, он попытался натравить дементора на моего крестного, как только тот вошел в комнату? — Из всей этой высокомерной, мелочной, бесполезной, бюрократической ерунды! — зашипела Гермиона, сжав кулаки. Необычно, но ее лицо тоже пылало гневом. — Сказать, что это был вопрос политики, не меньше. Этот человек должен быть нашим высшим правительственным чиновником! Но он действовал со всем умом и самообладанием... избалованного ребенка! Как страна могла выбрать такого безмозглого идиота в качестве министра магии? Ее глаза сверкали, словно угольки. Гнев Гермионы был заразен, он подпитывал огонь, бушующий в Гарри. — Неужели его лучшим оправданием было «Ну, Министерство всегда делало все именно так, и раньше все было правильно, поэтому должно быть правильно и в этот раз»? — Гарри фыркнул от отвращения. — Это действительно было лучшее, что он смог придумать? Потому что это, должно быть, худшая куча драконьего навоза, которую я когда-либо нюхал! — И то, как он смотрел на нас, уставившись на нас с Гарри, словно мы были парой потерявшихся детей, слишком глупых, чтобы отличить один конец палочки от другого... — Не говоря уже о той жирной жабе-женщине, которая постоянно издавала глупые кашляющие звуки позади него. Единственные слова, которые она произнесла за весь вечер, — это похвала «справедливому и непредвзятому подходу Фаджа к поиску компромиссов»! — И это было только после того, как он понял, что невозможно убить Сириуса на месте, как он хотел. Если бы нас там не было, я думаю, этот гнилой, мерзкий, отвратительный свинья человек так бы и сделал... — Вы оба имеете полное право злиться. Но хотя выплеск гнева может быть конструктивным, я думаю, мы уже прошли этот этап, мисс Грейнджер. И ты тоже, Гарри. — Резкий, старческий голос прервал гневные слова подростков. Альбус Дамблдор не повышал голос, но его слова, словно лезвие, прорезали их разглагольствования. — Возможно, мы были вынуждены позволить Министерству взять Сириуса под стражу, — продолжал Дамблдор, сидя за своим большим столом. — Но все не так плохо, как кажется. И вместо того, чтобы сосредотачиваться на том, что сегодня пошло не так, я думаю, нам стоит сосредоточиться на том, что пошло правильно. Гермиона кивнула, сдерживая свой гнев. Как это часто бывало, когда говорил авторитетный человек, блестящая книжная червь слушала. Что касается Гарри... он перестал бродить по кабинету, но его гнев, направленный теперь и на Дамблдора, не угасал. — И что это значит, профессор? — процедил Гарри. — Или ты забыл? Если бы мы с тобой не отстрелили наших Патронусов и не спугнули Дементора, Сириус был бы уже хуже, чем мертв! А при нынешнем положении вещей они все еще пытаются отправить его обратно в Азкабан, хотя этот человек невиновен! Дамблдор поднял руку, чтобы остановить поток тирады Гарри. — Да, Гарри. Я полностью согласен с твоими чувствами по этому вопросу. И с настроениями прекрасной мисс Грейнджер, если честно. Но тебе нужно сделать шаг назад и посмотреть на картину в целом. Иначе те самые вещи, которые ты стремишься защитить, могут быть потеряны навсегда. Гарри сжал кулаки, гнев и ярость пробежали по его телу. На этот раз он представлял себе не лицо Фаджа. Вместо этого, возможно, впервые в жизни, Гарри действительно смотрел на старика перед собой. На человека, которому, как он думал, он мог доверять больше, чем любому другому взрослому. — Общая картина? — в гнев шипел Гарри. — Когда речь идет о жизни человека, как может быть большая картина? — Потому что так устроена жизнь. И хотя я жалею, что Сириуса не взяли под стражу в Министерстве, ответственным за арестованных Мракоборцев, который также оказался рядом со мной, когда

твой образцовый Патронус вышел из леса, Гарри, был не кто иной, как глава отдела охраны магического правопорядка Амелия Боунс.— И почему это должно иметь значение? Это просто означает, что она занимает высокое положение в Министерстве, верно? Скорее всего, она уступит Фаджу, как только он надавит на нее, чтобы она отправила Сириуса обратно в тюрьму. А может, даже поможет несчастному Блайтеру вырезать посредника и заставить моего крестного отца поцеловать дементора прямо в камере Министерства! К этому времени Гарри уже видел красные пятна. Фадж, Министерство, Снейп, Бродяга, дементоры... Эта ночь испытала его больше, чем любая другая в его жизни, и Гарри, наконец, было достаточно. Он знал, что с его стороны было неправильно так кричать на старого волшебника; Дамблдор был на его стороне. Старик всегда был на стороне Гарри, с того самого дня, как он впервые переступил порог Волшебного мира. И этот человек спорил больше, дольше и лучше, чем кто-либо другой, чтобы помешать Фаджу использовать какой-нибудь другой метод, чтобы «справедливо» казнить Сириуса на месте. Но, несмотря на то что Гарри знал об этом, он, казалось, все еще не мог контролировать свой характер. И поэтому он продолжал разглагольствовать и бредить на Дамблдора до тех пор, пока слова не перестали приходить. Когда он закончил кричать, в комнате воцарилась тишина. Гермиона уставилась на него с обеспокоенным выражением лица. Но Гарри проигнорировал ее. Он не хотел, чтобы его лучший друг утешал его. Только не тогда, когда он хотел разозлиться. Тишина была нарушена, когда Дамблдор тихонько кашлянул и поправил свои сверкающие очки.— Отвечая на твой первоначальный вопрос, Гарри, именно тот факт, что Амелия Боунс присутствовала, когда все произошло, имеет все значение в мире. — Иногда не знания, а связи решают дело, — бросил Дамблдор, лукаво глядя на Гарри.— Что за бред? — фыркнул Гарри. — Ты что, знаешь больше людей, чем Фадж, или они лучше?— Возможно, ни ты, ни Фадж не знакомы с мисс Боунс лично, — мягко ответил Дамблдор, едва заметно улыбаясь, — но мы с ней работаем бок о бок почти двадцать лет. Могу заверить тебя, что она человек безупречной честности, твердых моральных принципов и здравого рассудка.— То есть, она такая святая на руководящей должности? — саркастически протянул Гарри. — И как это поможет Сириусу?— Дело в том, что по законам Министерства Амелия Боунс имеет право последнего слова в любом активном расследовании, — пояснил Дамблдор. — Перед твоим уходом она пообещала мне лично проследить за тем, чтобы вопрос о возможной невиновности Сириуса был тщательно рассмотрен, прежде чем дело будет передано в Визенгамот или Министерство. — Дамблдор вздохнул, опустив руки на стол. — Поверь мне, Гарри, она не успокоится, пока не разберется во всем досконально. Я уверен, что нарушения в деле Сириуса будут говорить в его пользу.— Ты уверен? — неуверенно спросил Гарри.— Да, Гарри. Абсолютно. И я использую это слово очень осторожно. Гарри молча смотрел на Дамблдора, впитывая его слова.